

ORIGINAL RESEARCH PAPER

Symbolism of the Element of Fire in Andrei Bely's Lyrics

Dr. Syromlia Nataliia Nickolaievna¹

Associate Professor of Foreign Languages Department,
Kiev National University of Technologies and Design, Kiev,
Ukraine.

(Received: 29 December 2020; Accepted: 09 February 2021; Published: 28 February 2021)

The article is dedicated to linguistic analysis of symbol Fire in Russian poet-symbolist A. Bely's lyrics. Symbolic meanings of the element Fire is studied from linguistic and linguoculturological points of view. There defined mechanisms which allow to express both traditional symbolism of "Fire" and the individual author's meanings, they are collaboration of mythologizes and archetypes with the symbol explicated in the text with a proper word, in our case with the word "fire". The subject of the studying in the article is both traditional and author's symbolism of the element of Fire. The first is conditioned by German-Scandinavian mythology and archetypes represented with binary oppositions actualizing the semantics of vertical and horizontal directions, ambivalence, animism and anthropomorphism and others. The author's symbolic meanings are expressed according to the creation of individual figurative meanings and symbolist's associative layer in the nearest surrounding of the symbol in the texts.

Keywords: Russian Symbolism, Symbol Fire, Andrei Bely.

¹ E-mail: syromlya.nata@gmail.com

СИМВОЛИКА СТИХИИ ОГОНЬ В СТИХАХ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Сьромля Наталья Николаевна¹

к.ф.н., доцент, доцент кафедры иностранных языков. Киевский национальный университет технологий и дизайна, Киев, Украина.

(дата получения: 20.12.2020 г. дата принятия: 09.02.2021 г. дата опубликования: 28.02.2021 г.)

В статье с лингвистической точки зрения анализируется символика стихии Огонь в лирике А. Белого. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому наполнению символа, определяются механизмы, дающие возможность эксплицировать традиционные и порождать авторские символические значения стихии: это, в первую очередь, взаимодействие лексемы-экспликатора символа с мифологемами и архетипами, выявленными в ее ближайшем окружении. Выражение традиционной символика стихии Огонь в анализируемом материале обусловлено взаимодействием символа с мифологемой скандинавского происхождения и отсутствием авторского переосмысления архетипичных оппозиций. Авторское наполнение символа Огонь в поэтических текстах А. Белого порождается на уровне образных и ассоциативных связей лексемы в рамках произведений и микротекстов-строф.

Ключевые слова: русский символизм, символ Огонь, Андрей Белый.

¹E-mail: siromlya.nata@gmail.com

Introduction

Traditional symbolism of natural elements is presented in mythological dictionaries, dictionaries and encyclopedias of symbols (H. Kerlot, J. Tresidder, V. Bauer, V. Andreeva, E. Ya. Sheinina, S. A. Tokarev, etc.). Let's list the main meanings of the culturological symbol "Fire": a living, mobile element, a symbol of divine energy, the myth world of divine essences, a substitute for God on Earth, characterized by the properties of ambivalence – a symbol of creation and destruction, life and death, a symbol of fertility, a symbol of passion, strong feelings and desires, a symbol of transformation, rebirth, interaction of the elements, a symbol of purification and healing, light, masculinity, a symbol of creativity, inspiration.

According to M. M. Makovsky, traditionally the meaning of 'fire' is correlated with the meanings of 'snake', 'middle, center', 'to fly', 'rise up', 'water', 'wealth', 'to worship a deity', 'sacrament' (Makovskiy 1996, 240-243).

The internal form of the word 'fire' is explained by the origin of the lexeme from *ognis* in comparison with the Lithuanian *agnus* 'fiery', the ancient Indian *agnis* 'fire'. Also the convergence of fire with the ancient Indian *angaras* 'coal' is noted by F. de Saussure, M. Fasmer considers it "incredible" to compare *ognь* with the Lithuanian *unkstu* 'moan' (Fasmer 1986, 118). The connection between the concepts of fire, heat with 'light' and 'warmth' is confirmed by comparative linguistic research: heat (Proto-Slavic **gerь*) is related to Old Ind. *haras* 'heat, flame', lat. *formus* 'hot, warm' (Makovskiy 1996, 35).

As scientists note, the poetics of Russian symbolism was a pioneer phenomenon within the framework of the European literary process, since it posed unique tasks of theurgic influence of the means of art on the material world.

One of these means is a symbol as the main artistic element of a poetic work, conveying the features of the symbolist worldview.

E. Fromm (Fromm 1952) identified three types of symbols according to the degree of symbolism:

- 1) conventional – they cover the simple recognition of contiguity, deduced on a visual or natural basis (mathematical symbols);
- 2) casual – arise due to associations created as a result of a casual contact;
- 3) universal – determined by the presence of an internal connection between the symbol and what it represents.

Our work explores the universal symbol (motivated) "Fire". The symbolist poet's system of symbols is closely related to his epistemology, a special understanding of ontological realities that are significant to him. As Yu. M. Lotman writes, a poet can draw his symbolism from the arsenal of the era, cultural trend,

social background (Lotman 1996, 225), which is reflected in the poetic text – one of the ways of expressing the author’s personality.

Symbol in the Russian symbolist lyrics is regarded to as a structural formation according to our researches: the core of the symbol is the concept of the same name, which includes the layers of images and associations, the periphery is designed with mythologemes and archetypes interacting with the concept in the text.

This approach makes it possible to reveal the actualization of traditional meanings and the author’s content of the Fire symbol-element within the framework of the poetics of A. Bely’s symbolism.

Main part

The expression of the traditional and author’s meanings of the symbol is determined by the mythologemes and archetypes identified in the closest environment of a lexeme-explicator of the symbol, in our case – the lexeme “fire”.

The mythologeme which interacts with the concept “Fire” and forms the periphery of the linguistic symbol “Fire” in the lyrics of A. Bely is Thor:

ПОЕДИНОК

Посвящается Эллису

1

Из дали грозной Тор воинственный
грохочет в тучах.
Пронес огонь – огонь таинственный
на сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами,
над темным бором,
горел сияющими латами
и спорил с Тором.

Бродил по облачному городу,
трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
он Тору-богу.

И ухнул Тор громовым молотом,
по латам медным,
обсыпав шлем пернатый золотом

воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен...»
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
помчалась с облачного купола,
сияя ликом.

2

Ослепший викинг встал над скалами,
спаленный богом.
Трубит печально над провалами
загнутым рогом.

Сердитый Тор за белым глетчером
укрылся в туче.
Леса пылают ясным вечером
на дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
танцую, блещут:
так клочья палевого знамени
в лазури плещут.
(Bely 1990, 68):

In German-Scandinavian mythology, Thor is the god of thunder, storm and fertility, is correlated with Perun, this is a divine hero who protects gods and people from giants and terrible monsters (Tokarev 1997, vol.2 519). Thus, the mythologeme identified in the periphery of the linguistic symbol "Fire" by A. Bely contributes to the actualization of the meanings: **the symbol of divine energy, fertility, masculinity, transformations.**

Symbolic correlation of fire with militancy and fertilization is quite clear. There can be found realization of the motif of correlation of fertility and an army which was analysed by Ivanova L. P. (Ivanova 2018, 76-77).

The archetypal layer related to the periphery of the linguistic symbol is actualized by the following binary oppositions (after Ivanov & Toporov 1965):

1) **fire – moisture** (explication of semes): “В подставленный сосуд вином струились огненные росы” (Bely 1994 a., 176);

2) **east – west**: “С востока рассветом пахнуло. Огнем загорелась волна” (Bely 1994 a., 351); “И долго, долго Смотрит На запад Огневой” (Bely 1994 a., 276);

3) **day – night**: “Воздеваю бессонные очи – Очи, Полные слез и огня, Я в провалих зияющей ночи, В вечеряющих отсветах дня” (Bely 1994 a., 221);

4) **the sun – the moon**: “Огневая луна из тумана глядит” (Bely 1994 a., 89);

5) **life – death**: “За жизнь, покрытую обманом, Ужалит смертью огневой” (Bely 1994 a., 263);

6) **light – dark** (explication of the semes): “В темнеющее поле прыснет Вечерний, первый огонек” (Bely 1994 a., 230), a kind of the archetype – the opposition **white – black**: “Черный бархат истыкан так щедро бесконечностью огненных звезд” (Bely 1994 a., 97), “Белизною моей успокою ваш огненный грех” (Bely 1994 a., 34).

The periphery of the linguistic symbol “Fire” in the lyrics of A. Bely is represented by one mythologeme and seven binary oppositions that actualize traditional interpretations.

The core of the linguistic symbol “Fire” in the lyrics of A. Bely explicates the direct and figurative meanings.

The most interesting from linguistic point of view neologisms are as follows: a) author’s complex adjectives: *безогненные зори* (Bely 1994 a., 241), *безмирно-огненной струей* (Bely 1994 a., 95), *перстом огнезарным* (Bely 1994 a., 75), *златоогненных вспышек* (Bely 1994 a., 201), *огнисто-блещущей грудой* (Bely 1994 a., 80), *огненно-лучистой* (Bely 1994 a., 26); *огневеющий пурпур* (Bely 1994 a., 32); a) verb: «лицо постаревшего гнома / в слезах заревых *огневело*» (Bely 1994 a., 85); b) nouns: *огонек, огонечек, огневица, огонь*.

The associative layer of the symbol is represented by adjectives and participles that explicate semantics: colour – *багровый, желтый, золотой, золотистый, небесно-голубой, пунцово-красный, пурпуровый, синий, ярко-огненный*; origin – *газовый, заревой, небесный, неземной, предзакатный, солнечный*; ambivalence – *жгучий / холодный, первый / прощальный*; animatism – *веселый, жестокий, звериный, злой, кровавый*; artifactual origin – *станционный, уличный, фонарный*; spatio-temporal characteristics – *вечерний, медленный, сквозной*; feelings – *горестный, скорбный*; destructive element – *палящий, смертельный*; perception with the help of sight – *еле зримый, слепительный*; material –

мраморный; synesthesia – *шелковый*; sacredness – *таинственный*; reflection – *расплавленный*; integrity violation – *разбитый*.

Associations that are equivalent to the RAD (Russian Associative Dictionary) data are represented by lexemes: *глаза, грудь, деревня, красный, любовь, мрак, ночь, пожар, свет, сердце, страсть, язык, языки* (Karaulov, 397-398).

The figurative layer is updated with the following models of combining the word-explicator of a symbol with a closest environment.

Nominative combinations: $N_{N1}N_{N2}$ – **eyes**: *огонь глаз*; **feeling**: *огонь страсти, огонь муки*; **inspiration**: *огонь для сердца*; **fire of heavens**: *рассвет огня*; **light**: *мерцанье огня*; **colour**: *пурпур огня*; **spiritual energy**: *огонь лампадки*; **animism / form**: *языки огня, полосы огня*; **interaction of elements**: *фонтаны огня*; $N_{N1}N_{N5}$ – **animo-animatism**: *огонь языком*; **interaction of elements**: *огонь струею*; $N_{N1}N_{N6}$ – **colour**: *риза в огне*; $2N_{N2}$ – **feeling**: *из грез и огня, слез и огня, тоски и огня*; $N_{N5}N_{N2}$ – **feeling**: *огнем неприязни*; $N_{N6}N_{N1}$ – **light**: *на реке огонь, в огне кресты*; $N_{N6}N_{N2}$ – **form**: *в венце огня*; $2N_{N6}$ – **feelings**: *в огне и любви*.

As the analysis of grammatical models of nominative combinations shows, the most productive model is $N_{N1}N_{N2}$ (9 meanings, 11 explications), the most high-frequency is the correlation of fire with feelings and light.

Verb combinations explicate the semantics:

1) the implementation of the agent's position: **light** – *блеснуть, блестеть, блистать, вспыхнуть, гореть, мерцать, озарить, погаснуть, сверкнуть, светить, темнеть, теплиться*; **animo-animatism** – *дрожать, заползть, лизать, мигнуть, моргать*; **destructive force** – *сжечь, спалить, жечь, поджечь*; **weapon** – *стрелять*; **sounding** – *потрескивать*; **anthropomorphism** – *прыснуть*; **interaction with the element of air** – *влетать*;

2) realization of the patient's position: **light** – *озарять, зажечь*; **destructive force** – *сжечь, сгореть*; **interaction with the element of water** – *разливаться*; **colour** – *рдеть*; **feelings and emotions** – *бояться*; **animo-animatism** – *бороться, ждать, почивать*.

The predominance of the realization of the agent's position characterizes A. Bely's "Fire" as a traditional active element.

In the early works of A. Bely, according to the research of A. Hansen-Löve, "combustion" is considered destructive only in relation to everyday life, the "old Adam", which must burn in order to be born again (Hansen-Löve 2003, 307), which is the actualization of the purifying symbolism of fire and the metamorphosis of psychic energies into light (Hansen-Löve 2003, 312).

The figurative meanings of the symbol "Fire" actualized in the lyrics of A. Bely form the following groups. The symbol "Fire" corresponds to a person which was

previously investigated on the material of ancient Greek myths by O. M. Freidenberg (Freidenberg 1997):

a) **body** – eyes: “*весь в огне и любви мой предсмертный блуждающий взор*” (Bely 1994, 104-105), “*очи, полные слез и огня*” (Bely 1994 a., 220, 221, 354), death: “*моя судьбина – сгореть на медленном огне*” (Bely 1994 a., 268);

b) **feelings and emotions** – expressing states that are painful for a person: “*огонь смертельной муки*” (Bely 1994 a., 76, and also: 72, 80, 104, 66, 202, 220, 221); sublime experiences: “*в венце огня над царством скуки*” (Bely 1994 a., 23, 70, 104, 105, 40, 99);

c) **artifacts**: the Orthodox faith – “*в огне... кресты колоколен*” (ibid., 190), the priest’s clothing – “*его риза в огне*” (Bely 1994 a., 37).

The element of fire in the lyrics of A. Bely symbolizes the colour spectrum:

1) the correlation of the colour of fire with **precious stones**;

a) a diamond (Bely 1994 a., 190), which, according to the observations of A. Hansen-Löve, is congruent to the soul and visual-visionary “transparency” (Hansen-Löve 2003, 281) and

b) a ruby (Bely 1994, 232), as well as non-precious – crystal (Bely 1994 a., 69) and amber (Bely 1994 a., 190);

2) “hot” colours – “*пурпурный*” (Bely 1994 a., 24, 92), “*красный*” (Bely 1994 a., 28), “*золотой*” (Bely 1994 a., 37, 69, 234, 352). The poet in his article “Sacred Colours” characterizes the red colour as the focus of the terror of fire and thorns of suffering and writes about the “theosophical duality of red” (Bely 1994 b., Symbolism ..., 205);

3) “cold” colours – “*небесно-голубой*” (Bely 1994 a., 40) embodying the motive of “heavenly fire”: “... разлетятся остатки пыли и блеснет воздушная белизна...и вот сейчас засквозит голубым. И вот уже среди бела дня мы научимся узнавать нашу радость, взирая на ясно-лазурное грустящее радостью небо...Соединение бездны мира, находящейся там, где нет ни времен, ни условий, с воздушно-белой прозрачностью как символом идеального человечества – это соединение открывается нам в соединяющем цвете неба – этом символе богочеловечества, двуединства (... the remains of dust will scatter and an airy whiteness will flash ... and now it will glimmer blue. And now in broad daylight we will learn to recognize our joy, gazing at the clear azure sad joyful sky ... The connection of the abyss of the world, which is where there are no times or conditions, with airy white transparency as a symbol of ideal humanity – this connection opens up to us in the connecting color of the sky – this symbol of God-manhood, dual unity – translated by N.S.)” (Bely 1994 b., Symbolism ..., 209);

4) the characteristic of **colour intensity** – “*яркий*” (Bely 1994 a., 183).

According to the interpretations of researchers, fire is the thinnest of the four elements, the end product of dematerialization, rising from the earth through the air to the spiritual space (Hansen-Löve 2003, 268). In the microtexts of A. Bely, the meaning of the symbol “Fire” is revealed as the **interaction of the primary elements of life**: earth (“земля без огня невидима; огонь без земли обладает некой устойчивостью” (Bely 1994 b., 313) – “огонь веселый блещет с дальних кос” (Bely 1994 a., pp. 147, 183, 352); water – “огнем загорелась волна” (Bely 1994 a., 351, 69, 147, 232), like water, fire is not only a substance, but also an instrument of transformation, decomposition of boundaries between subject categories, semantic paradigms and symbolic spheres (Hansen-Löve 2003, 268), air – “гряда дымных туч рдела огнем” (Bely 1994 a., 352, and also: 40, 24).

A. Bely’s “fire” is a symbol of the symbolists’ **poetic experience**, which correlates with natural phenomena: “рассвет золотого огня” (Bely 1994 a., 37, 190, 351); “в вечернем огне” (Bely 1994 a., 206, and also: 202, 234, 28, 23). A. Bely himself writes about the special semantics of “небесный огонь” and its equivalents – “зорь” and “закатов” in symbolist discourse: “Многие восприняли наступление нового века не эволюцией мировоззрений, а фактом явления в них новых органов восприятия времени. Факт чувства зорь оставался... Появляются вдруг видящие зорю и невидящие. Видящих было мало. Они чувствовали друг друга издали, образуя собой никем не установленное братство... (Many people perceived the onset of a new century not as an evolution of worldviews, but as the fact of the appearance of new organs of time perception in them. The fact of feeling the dawn remained ... Suddenly, those who see the dawn and those who do not see it appear. There were few who saw. They felt each other from afar, forming a brotherhood not established by anyone – translated by N. S.)” (cit. from: Kolobaeva 2000, 163).

One of the most important interpretations of the symbol “Fire” in the lyrics of A. Bely is the **ambivalence** of the elements with the predominance of the meaning of “**death**”: “лучевые копья предзакатные изорвали грудь своим огнем” (Bely 1994 a., 202 and also: 356, 76, 268), which confirms A. Hansen-Löve’s observation of the dominant cult of “destructive, archaic fire” in symbolism of the beginning of the century, and its animo-animatism: “огонь веселый блещет” (Bely 1994 a., 147, and also: 356, 357, 287). About ambivalence of Fire in different cultures we can find in O. Freidenberg’s work (1923): “Мы знаем и из других культов, у других народов, что рыжий, или огненный, цвет волос почитался в связи с огненными божествами (каковы Арес, Гефест, Марс и т.д.) и что стихия огня, разрушительная стихия, явилась стадийным эквивалентом солнечного пламени, солнца в его зените, одинаково светящего и губящего. Таков у греков Арес, грозное световое божество войны, но поздней и бог плодородия; таков

Аполлон, бог солнца, у Гомера еще сохранившийся как бог чумы. У римлян таков весенний бог Марс, у вавилонян – Нергал, у египтян – Тифон” (“We know from other cults, among other peoples, that red, or fiery, hair colour was revered in connection with fiery deities (such as Ares, Hephaestus, Mars, etc.) and that the element of fire, the destructive element, was the stagewise equivalent of the solar flame, the sun at its zenith, equally shining and destroying. Such is the Greeks’ Ares, a formidable light deity of war, but later also the god of fertility; such is Apollo, the sun god, still preserved in Homer as the god of plague. For the Romans, this is the spring god Mars, for the Babylonians – Nergal, for the Egyptians – Typhon“ – translated by N.S.)

According to our study, the symbol “Fire” in the lyrics of A. Bely unites the **world of people, mythological characters and birds**, characterizing their eyes: “*вперил... филин огонь жестоких, желтых глаз*” (Bely 1994 a., 227), the gaze of the centaur is “*бездна тоски и огня*” (Bely 1994 a., 74).

Taking part in the creation of metaphors, the lexeme “fire” replaces words, which are names for: **the sun, knowledge, light, colour, inspiration, warmth, retribution, state of mind, divine energy.**

A feature of the semantic unities formed by the symbolic field of “Fire” is the use of free valence bonds of lexemes, which contributes to the creation of areas of their intersection and common semantic fields, expansion of the semantics of the figurative layer of the symbol.

For example, A. Hansen-Löve notes that the manifestation of the Holy Spirit in the form of “огненных языков” (fiery tongues) “the symbolists willingly rethink as an aesthetic and artistic gift the concepts of “fiery language” and “language” in the meaning of “speech”... “organ of speech”, ideally allowed this image to be used in a dual sense.

So, symbolic meanings of the element of fire in A Bely’s poetry can be divided into two groups which can be compared to author’s symbolic meanings of “Fire” by K. Balmont (Syromlia 2019):

– traditional symbolism: **a living, mobile, ambivalent element, correlates with light and warmth, divine energy, the sun, the colour spectrum of hot colours, strong feelings and desires of a person, man’s eyes, creativity, a symbol of the interaction of the primary elements of being;**

– individual author’s content: symbol “Fire” is interpreted as **a retribution, a challenge, correlates with the symbolist visionary “experience”, fabric, celestial phenomena - “dawns” and “sunsets” as the embodiment of information of the subtle world, the human body and his mental world, artifacts, precious stones on the basis of shades of red and yellow colours and the properties of transparency, “earthly” fire symbolizes physical-vital experiences, “heavenly” -**

“the ignition of a spiritual man” (the term of A. Hansen-Löve, translated by N. S.).

Conclusion

Thus, the interaction of the core of the linguistic symbol with the periphery led to the expression of traditional and individual author’s interpretations of the element of fire in the lyrics of A. Bely of the period studied.

Список литературы:

- Белый, А. (1990). *Сочинения*. В 2-х т. Т.1. Поэзия; Проза. Москва: Худож. лит., 703 с.
- Белый, А. (1994 а.). *Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы*. Москва: Республика, 560 с.
- Белый, А. (1994 б.). *Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай*. Москва: Республика, 528 с.
- Иванов, В., Топоров, В. (1965). *Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период*. Москва: Наука, 246 с.
- Иванова Людмила Петровна (2018). Отображение персидских реалий начала XIX века в русском художественном тексте XX века (на материале романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»). *Language Art*, 3(4): 73-84. <https://doi.org/10.22046/LA.2018.24>
- Колобаева, Л. (2000). *Русский символизм*. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 296 с.
- Лотман, Ю. (1996). *Внутри мыслящих миров: Человек – текст. Семиосфера – История*. Москва: Языки русской культуры, 447 с.
- Маковский, М. (1996). *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*. Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 416 с.
- Караулов, Ю. Н. и другие. (2002). *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т., Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 784с.
- Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
- Сыромля, Наталья Николаевна (2019). Экспликация традиционной и авторской символики стихии огонь в поэзии русского поэта-символиста К. Бальмонта. Актуализация мотивов древнеиранской культуры. *Language Art*, 4(3).103-118. <https://doi.org/10.22046/LA.2019.18>
- Токарев, С. А. (1997). *Мифы народов мира. Энциклопедия*: В 2-х т. / Гл. ред.. Москва: Рос. энциклопедия.

- Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка*. В 4т. Т.2 (Е–Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. Москва: Прогресс, 672 с.
- Фрейденберг, О. (1923). *Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии)*. Электронный архив Ольги Михайловны Фрейденберг [онлайн] Available at: <http://freidenberg.ru/Docs/Nauchnyetrudy/Stat'i/V'ezdvIerusalimnaosle?skip=8&view=#start> [Accessed 27.12.2020]
- Фрейденберг, О. (1997). *Поэтика сюжета и жанра*. Москва: «Лабиринт», 225 с.
- Fromm, E. (1952). *The Forgotten Language*. London: Gollancz, 224 p.
- Ханзен-Леве, А. (2003). *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 816 с.*

References

- Bely, A. (1990). *Sochineniya*. V 2-h t. T.1. Poeziya; Proza. Moskva: Hudozh. lit., 703 p.
- Bely, A. (1994 a.). *Sobranie sochineniy. Stihotvoreniya i poemy*. Moskva: Respublika, 560 p.
- Bely A. (1994 b.). *Simvolizm kak miroponimanie / Sost., vstup. st. i prim. L.A.Sugay*. Moskva: Respublika, 528 p.
- Ivanov, V., Toporov, V. (1965). *Slavyanskije yazykovyie modeliruyuschie semioticheskie sistemy: Drevnij period*. Moskva: Nauka, 246 p.
- Ivanova, L. P. (2018). Representing the Persian Realities of the beginning of the 19th Century in the Russian Artistic Text of the 20th Century (Based on Tynianov's Novel "The Death of Vazir Mukhtar"). *LANGUAGE ART*, 3(4), 73-84. <https://doi.org/10.22046/LA.2018.24>
- Kolobaeva, L. (2000). *Russkij simvolizm*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 296 p.
- Lotman, Yu. (1996). *Vnutri myislyaschih mirov: Chelovek – tekst*. Semiosfera – Istoriya. Moskva: Yazyiki russkoy kulturyi, 447 p.
- Makovskiy, M. (1996). *Sravnitelnyiy slovar mifologicheskoy simboliki v indoevropeskih yazykah: Obraz mira i miryi obrazov*. Moskva: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 416 p.
- Tokarev, S. A. (1997). *Mify narodov mira. Entsiklopediya: V 2-h t. Gl. red. S. A. Tokarev*. Moskva: Ros. Entsiklopediya.
- Karaulov, Yu. N. et al. (2002). *Russkij assotsiativnyiy slovar. V 2 t. T.1. Ot stimula k reaktsii: Ok. 7000 stimulov. / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov*. Moskva: ООО «Izdatelstvo Astrel»: ООО «Izdatelstvo AST», 784 s.

- Syromlia, N. (2019). The Explication of the Author's Traditional Symbolism of the Element Fire in the Poetry of the Russian Symbolist Poet K. Balmont: The Actualization of Zoroastrianism Motives. *LANGUAGE ART*, 4(3), 103-118. <https://doi.org/10.22046/LA.2019.18>
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka*. V 4t. T.2 (E-Muzh). Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. – 2-e izd., ster. Moskva: Progress, 672 s.
- Freidenberg, O. (1923). *V'ezd v Ierusalim na osle (iz evangel'skoy mifologii)*. Elektronnyy arhiv Olgi Mihaylovny Freydenberg [on-line] Available at: <http://freidenberg.ru/Docs/Nauchnyetrudy/Stat'i/V'ezdvIerusalimnaosle?skip=8&view=#start> [Accessed 27.12.2020]
- Freidenberg, O. (1997). *Poetika syuzheta i zhanra*. Moskva: «Labirint», 225 p.
- Fromm, E. (1952). *The Forgotten Language*. London: Gollancz, 224 p.
- Hansen-Löve, A. (2003). *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simbolika*. SPb.: «Akademicheskii proekt», 816 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Syromlia, N. N. (2021). Symbolism of the Element of Fire in A. Bely's Lyrics. *Language Art*, 6(1), 61-74. Shiraz, Iran.

DOI: 10.22046/LA.2021.04

URL: <https://www.languageart.ir/index.php/LA/article/view/211>

نمادگرایی عنصر آتش در غزل‌های آندری بیه‌لی

سیروملیا ناتالیا نیکولایونا^۱

دانشیار گروه زبان‌های خارجی، دانشگاه ملی فن‌آوری‌ها و طراحی کی‌یف،
کی‌یف، اوکراین.

(تاریخ دریافت: ۰۹ دی ۱۳۹۹؛ تاریخ پذیرش: ۲۱ بهمن ۱۳۹۹؛ تاریخ انتشار: ۱۰ اسفند ۱۳۹۹)
این مقاله به تجزیه و تحلیل زبانی نماد آتش در اشعار آندری بیه‌لی شاعر-نمادگرای روسی اختصاص دارد. معانی نمادین عنصر آتش از دیدگاه زبان‌شناسی و زبان‌شناسی فرهنگی مورد بررسی قرار می‌گیرد. مکانیسم‌هایی تعریف شده‌ای که به شما اجازه می‌دهد هم نماد سنتی «آتش» و هم معانی نویسنده را بیان کند، همکاری اسطوره‌شناسی و الگوهای کهن با نمادی که در متن با یک کلمه مناسب توضیح داده شده‌است، کلمه «آتش» مورد بررسی ما قرار می‌گیرد. موضوع مطالعه در مقاله از یک طرف نمادسازی سنتی عنصر آتش است که توسط اساطیر آلمانی-اسکاندیناوی شرطی شده است. کهن‌الگوها با تقابل‌های دودویی نشان داده می‌شوند که در معناشناسی جهت عمودی، دوسوگرایی، آنیمیزم و انسان‌شناسی تحقق پیدا می‌کنند. معانی نمادین نویسنده با توجه به بازاندیشی در مورد افسانه‌ها و کهن‌الگوها در نزدیکترین نماد در متن بیان می‌شود.

واژه‌های کلیدی: نمادگرایی روسی، نماد آتش، آندری بیه‌لی.

¹ E-mail: siromlya.nata@gmail.com